

Л.И.Шевцова

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ ОБРАЗА БАБУШКИ В РОМАНЕ И.А.ГОНЧАРОВА «ОБРЫВ» (1869)

Цель исследования — выявление структурно-смысловой содержательности образа Татьяны Марковны Бережковой в художественном мире романа Гончарова «Обрыв». Научная новизна исследования связана с расширением типологических характеристик системы образов в романе Гончарова. В результате определены основные смысловые грани образа бабушки Татьяны Марковны, включающие в себя две содержательные линии: внешнюю и внутреннюю. Во внешней содержательности отражается социально-бытовая характеристика провинциальной жизни России, традиционный быт и нравы. Во внутренней содержательности образ бабушки отражает смысловую доминанту повествования: народную мудрость, внутреннюю силу, связанную с традиционной ценностной парадигмой. Динамика образа бабушки дана в личностном восприятии главного героя — Райского, что определяет ее роль как идейно-композиционного центра романа и своеобразного мерил прекрасного и нравственного.

Ключевые слова: смысловое наполнение образа бабушки, расширительное значение образа, спор о судьбе, патриархальность, трансформация облика

В завершающем трилогию И.А.Гончарова романе «Обрыв» характеристика провинциальной жизни развернута более широко, чем в предыдущих романах. В воссоздании пестрой картины провинциальной действительности Гончаров, с одной стороны, выступает как бытописатель, по-гоголевски метко воспроизводящий мельчайшие подробности, детали, из которых складывается обывденная жизнь. С другой стороны, также по-гоголевски мудро, Гончаров через социально-бытовые, внешние формы жизни раскрывает её философское содержание, «явления человеческой психологии» [1, с. 270]. В финальном романе Гончарова «проснувшийся Обломов» (по характеристике самого автора) — художник Райский, в своем напряженном, страстном поиске идеала красоты обретает его ясные контуры лишь после признания правды бабушки — Татьяны Марковны, за которой стояла «другая великая “бабушка” — Россия» [2, с. 430].

Стремление художника Райского отыскать идеал красоты является сюжетообразующим началом романа. В начале романа герой действует в светской среде, пытаясь «оживить», как ему кажется, холодную статую, красавицу кузину Софью Беловодову, пробудить в ней эмоциональный свет, жажду активной жизни. В этом стремлении сказывается отличие Райского от героя предыдущего романа — Обломова. Райский вступает в прямой контакт с действительностью, желая выправить её по своим канонам. Софья иронично воспринимает попытки кузена раздвинуть рамки её светского восприятия жизни и обратиться к кипящей жизни, где бушуют страсти, «снять эту портьеру с окна, но и с жизни тоже» [3, с. 30]. Райский призывает Софью обратить свой взор на улицу, уйти от «полинявших» портретов предков, которые делают её заложницей и жертвой родового порядка. Однако Софья иронически воспринимает поучения Райского, не торопится в угоду «страстям» изменить строгие аристократические нормы жизни. Райскому так и не удается преодолеть прагматичность и олимпийское спокойствие Софьи как представительнице петербургского мира.

Герой покидает столицу, и в деревне увлекается другим типом женской красоты: наивно-простодушной Марфинькой и загадочно-таинственным обликом Веры. Не случайно центром повествования становится именно родовое гнездо, провинциальная действительность, волжские просторы, на фоне которых разворачивается основное действие романа. Во внешней канве повествования роль бабушки проявляется на уровне социально-бытовой характеристики «отжившей» эпохи помещичьего уклада, наряду с аристократическим Петербургом, «тормозящем» приход нового, но во внутренней структуре романа образ Татьяны Марковны становится идейно-композиционным центром, объединяющим в конечном итоге разнородные стремления и усилия всех действующих лиц. Отсюда и то разнообразное смысловое наполнение образа бабушки, которое реализует себя в образном восприятии её фигуры творческой натурой художника Райского. Подобная трансформация типологии образа дворянского интеллигента необходима была Гончарову для более полного, детального, глубинного постижения самой сути русской действительности, так называемого «переходного» периода в истории России, когда наряду с отмиранием крепостных форм жизни, нарушался процесс преемственности поколений. И молодые люди оказывались в силу своего естественного интереса к новому в трагическом разладе с ценнейшими национальными заветами.

Татьяна Марковна является воплощением мудрости и силы, которая раскрывается в дни тяжелых испытаний, при столкновении с разрушительной силой нигилизма. Её образ, данный в восприятии художника Райского, постепенно эволюционирует. Именно образное восприятие помогает уяснить смысловую доминанту повествования. Вначале облик Татьяны Марковны возникает в его воспоминаниях о детских и юношеских годах и не отделим от живописной пасторали: «Каждое окно в доме было рамой своей особенной картины» [3, с. 61], «дом весь был окружен этими видами, этим воздухом, да полями, да садом» [3, с. 62]. Красота разливалась повсюду, отражаясь не только в пейзажных картинах волжских просторов, но и в убранстве уютных комнат, наполненных предметами старинного быта. И если старина дома Пахотиных отражала царство

расчета, роскоши и светского столичного честолюбия, то старинное убранство бабушкиных комнат воплощало уют и гармонию, выступая, в соответствии с культурной традицией «своеобразным продолжением личности» [4, с. 116]: «В доме какая радость и мир жили!» [3, с. 63]. Волжский пейзаж, барский дом в глубине двора, статная фигура Татьяны Марковны — действительно, как уголок Эдема, в чем-то, безусловно, напоминающий и знаменитую Обломовку («мирный уголок»). Портретные характеристики Татьяны Марковны рисуют образ властной женщины, сохранившей горделивую осанку и красоту, умело управляющей своим именем: «Она было в меру строга, в меру снисходительна, человеколюбива, но все в размерах барских понятий» [3, с. 66]. Система «барских понятий» основана на четкой иерархии ценностей, определяющих линию поведения бабушки. В бабушкином царстве нет места непослушанию, отступлению от правил, «жизнь ее строится, опираясь на традиции» [5, с. 23], которые кажутся молодому человеку архаичными, обременительными, как, например, желание бабушки отправиться с визитами не только к важным лицам города, то также и проявить почтение к неким «старичкам» из глубокого уважения к возрасту. Всё это в тягость молодому Райскому, однако он не решается «нарушить» волю бабушки, подчиняется ей не только из любви, но и со снисходительной иронией к «отжившему» порядку, но это не мешает герою, как указывает М.Б.Лоскутникова «изумлять и сокрушать старую женщину, убежденную, что надо следовать от века установленным правилам» [6, с. 219]

Ироническое, горделиво-насмешливое отношение к философии бабушки сохраняется и тогда, когда повзрослевший герой отправляется в родовое поместье, получив пространное бабушкино послание с укором в свой адрес. В спорах с Татьяной Марковной о судьбе, будущем сестёр, страстях, бушующих порой в сердце человека, постепенно раскрывается мирозерцание бабушки, связанное с коренной основой жизни. Диалоги темпераментного внука и величаво-спокойной, уверенной в своей правоте, бабушки иллюстрирует собой общественно-публицистический фон непростой эпохи, определивший и самый вектор общественных устремлений нового века в России.

Наиболее показательным и интересным является спор о судьбе. Понятие «судьбы» в представлении бабушки включает в себя и народно-поэтическое представление о «рожде», предостерегающим от беспечности; и размышления о роковом фатуме, и рассуждения о линии жизни, «по которой можно и должно достигать известного значения» [3, с. 231]. Тем не менее, в основе всех этих рассуждений — христианское понимание греха и наказания Божия за небрежение дарами судьбы: «... кто <...> прозевал, загубил дар судьбы — сам виноват! Оттого много на свете погибших: праздных ...» [3, с. 231]. Но для всех открыт путь ко спасению и исправлению своей линии жизни: «Бог накажет иногда, да и простит, коли человек смирится и опять пойдет по хорошему пути» [3, с. 232], «судьба учит его терпению, делает ему характер, чтобы <...> не лежал на боку и делал, что каждому определил Господь» [3, с. 234]. Может показаться, что позиция бабушки не всегда четко соотносится напрямую с христианскими догматами, поскольку в её взглядах много суеверных опасений перед неизведанным и необъяснимым. Но в этом проявляется глубинная связь с народным мирозерцанием, вбирающем в себя многовековые исторические традиции. В основе этих рассуждений, как подчеркивает Гончаров, лежит опыт наблюдения и мудрого анализа прожитой жизни. Райский воспринимает бабушкины поучения как оковы, некое рабство, лишаящего человека творческого самостоятельного поиска. Но с течением времени все-таки задумывается, почему интеллигентскому сознанию так и не удастся достичь тех нравственных и духовных высот, которых крепко держится Татьяна Марковна. Райский сравнивает себя с бабушкой: «Я бьюсь, — размышлял он, — чтобы быть гуманным и добрым: бабушка не подумала об этом никогда, а гуманна и добра. Я недоверчив, холоден к людям и горяч только к созданиям своей фантазии, бабушка горяча к ближнему и верит во все. Я вижу, где обман, знаю, что все — иллюзия, и не могу ни к чему привязаться, не наложу ни в чем примирения: бабушка не подозревает обмана ни в чем и ни в ком, кроме купцов, и любовь ее, снисхождение, доброта покоятся на теплом доверии к добру и людям, а если я... бываю снисходителен, так это из холодного сознания принципа, у бабушки принцип весь в чувстве, в симпатии, в ее натуре! Я ничего не делаю, она весь век трудится...» [3, с. 235].

Временами в сознании Райского образ бабушки бледнеет, теряет сочные краски идеала, т.е. «красота её характера, склада ума, старых цельных нравов, доброты и проч. начинала бледнеть. Кое-где мелькнёт в глаза неразумное упорство, кое-где эгоизм; феодальные замашки <...> и в минуты уныния он не хотел даже извинить её ни веком, ни воспитанием» [3, с. 312]. Часто сталкиваясь в действительной жизни с «разладом между действительности и красотой своих идеалов» [3, с. 311], Райский страдал, как указывает Гончаров «за весь мир», лишенный гармонии. И не готов был, как и многие его современники, принять тихую патриархальную гармонию «родового гнезда».

Постепенно смысл и содержание бабушкиных наставлений в восприятии поклонника красоты наполняется глубоким философским смыслом, когда на замечание внука о неизбежной смене времен, о необходимости обновления, бабушка просто доказывает Райскому, что «весь её “деспотизм” построен на почве нежнейшей материнской симпатии и неутомимого попечения о счастье любимых ею сирот» [2, с. 79]. Райский, наконец, понимает, что Марфиньку и Веру связывают с бабушкой не страх, не цепи, «а нежность голубиноного гнезда» [2, с. 78]. И тогда в сердце внука уже нет места иронично-беспечному отношению к бабушкиным стараниям, заботам, речам. Он пытается понять логику её рассуждений, поступков, разрешить загадку цельности бабушкиной натуры.

Оценить силу и прочность «старых» начал помогает испытание, которое проходит Вера, а вместе с ней и Райский в своем страстном желании разгадать её тайну. История искушения «новой правдой» в лице Марка

Волохова, история падения Веры — также связана со смысловым наполнением образа бабушки, а в её лице — с истиной, так называемой «старой правдой», которую пытается преодолеть в своих поисках молодое поколение. Судьба человека в переходную историческую эпоху оказывается зыбкой, когда поиски «новой правды», социального и духовного обновления приводят к разрыву с опытом предков, и как следствие — нравственному падению, разрушению личности. Комментарии самого Гончарова раскрывают трагедию гордого ума: «Пала не Вера, не личность, пала русская девушка, русская женщина, — жертвой в борьбе старой жизни с новой: она не хотела жить слепо, по указке старших. <...> хотела сознательно найти и принять новую правду, удержав и все прочное, коренное, лучшее в старой жизни. Она хотела не разрушения, а обновления. Но она “не знала”, где и как искать. Бабушка берегла ее только от болезней, от явных и известных ей зол и бед и не приготовила ни к каким неведомым ей самой бедам» [7, с. 96].

И если для младшей сестры (Марфиньки) философия бабушки является основой её собственного бытия (в сердце Марфиньки прочно укоренились традиционнопатриархальные начала), то для старшей сестры, Веры, «старая» правда оказалась недостаточно полной. Независимый, гордый ум толкает Веру на самостоятельные поиски истины, что и определяет драматизм её судьбы: искушение «новой» правдой приводит героиню к обрыву, горькому раскаянию и боли.

Исторические и нравственные последствия подобного выбора отражены в самом названии романа «Обрыв». Обрыв — не только символ нравственного падения, это символ обрыва-разрыва связующей нити исторического развития, на дне обрыва концентрируется злое, разрушительное начало, обрывающее саму возможность жизни с испепеляющей страстью в сердце. И только лишь возвращение к истокам, к «бабушкиной истине» дает возможность Вере начать новую жизнь. Таким образом, правда бабушки, правда России, оказывается единственно спасительным началом для человека, жаждущего истины, желающего обрести и воплотить идеал красоты и гармонии.

Очевидна также в данном случае и ситуация грехопадения (соблазна, искушения) и возвращения блудного сына, отраженная в романе. Евангельские реминисценции достаточно подробно исследованы в нашей науке [8-14]. Как указывал В.И.Мельник: «Мотивы греха, покаяния и духовного воскресения связаны в романе не только с образом Веры, но и других главных героев — бабушки, Райского» [12, с. 85]; «<...> развернутая проекция на евангельские образы носит не “реминисцентный”, а вполне концептуальный характер, <...> в последнем романе на глубокой христианской основе зиждется самая антропология человека» [12, с. 87]. Таким образом можно говорить том, что образ бабушки обладает централизующей силой, к ней стянуты все сюжетные линии, мотивные комплексы, ценностные ориентиры и надежды в самом широком философском смысле.

Смысловое наполнение образов в романе «Обрыв» имеет, условно говоря, «расширительное» значение: чем больше испытаний выпадает на долю героев, тем глубже становится их понимание сакральной сути бытия, необходимости возвращения к истокам народной мудрости, крепости, внутренней силы, к традиционному, патриархальному, надежному, родному началу. Образ бабушки — Татьяны Марковны — трансформируется от земного облика «заботливой наседки», живущей хозяйственными заботами, хлопотами и тревогами за судьбу внушек, к образу столбовой дворянки, защищающей своё сословное право, и, наконец, к образу мудрой матери (бабушки России), способной в тяжелую минуту (годину) испытаний явить невиданную (скрытую за бытовыми картинками) силу и волю — только забота, любовь, прощение бабушки может вернуть Веру к жизни, вдохнуть в неё силы и вселить надежду на лучшее.

1. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе: монография / Отв. ред. и сост. И.А.Киселева. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 312 с.
2. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М.: ГИХЛ, 1954. 456 с.
3. Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1953. 368 с.
4. Киселева И.А., Поташова К.А. Одежда у Н.М.Карамзина как примета исторического времени и национального характера // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 113-121.
5. Васильева С.А. Красота старости в романе И.А.Гончарова «Обрыв» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 3(66). С. 20-25.
6. Лоскутникова М.Б. Семантика «обыкновенного» и «необыкновенного» в романе И.А.Гончарова «Обрыв» (сюжетный «треугольник»: Райский — Бабушка — Вера) // Пушкинские чтения — 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXIV международной научной конференции / Отв. ред. Т.В.Мальцева. СПб., 2019. С. 216-224.
7. Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда: (Критические заметки) // Гончаров И.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8: Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. М.: ГИХЛ, 1955. С. 64-113.
8. Краснощекова Е.А. «Обрыв» И.А.Гончарова в контексте антиингилистического романа 60-х годов // Русская литература. 2001. № 1. С. 50-66.
9. Краснощекова Е.А. И.А.Гончаров: Мир творчества. СПб: Пушкинский фонд, 1997. 496 с.
10. Мельник В.И. Гончаров и православие. Духовный мир писателя. М.: Изд-во «Дарь», 2008. 544 с.
11. Мельник В.И. Духовный путь И.А.Гончарова. М.: Вече, 2019. 448 с.
12. Мельник В.И. Евангельская семантика женских образов Марфиньки и Веры в романе И.А.Гончарова «Обрыв» // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1. С. 78-93.
13. Недзвецкий В.А. Романы И.А. Гончарова. Изд. 2-е. М.: Изд-во МГУ, 2000. 97 с.
14. Щельбыкин И.П. Эволюция женских образов в романах И.А.Гончарова // Гончаров И.А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А.Гончарова / Сост. М.Б.Жданова, А.В.Лобкарёва, И.В.Смирнова. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. С. 171-178.

References

1. Kiseleva I.A., ed. Tsennostnye osnovy natsional'noy kartiny mira v russkoy literature: monografiya [Value bases of the national worldview in Russian literature: monograph]. Moscow, 2019. 312 p.
2. Goncharov I.A. Works in 8 vols, vol. 6. Moscow, 1954. 456 p.
3. Goncharov I.A. Works in 8 vols, vol. 5. Moscow, 1953. 368 p.
4. Kiseleva I.A., Potashova K.A. Odezhda u N.M.Karamzina kak primeta istoricheskogo vremeni i natsional'nogo kharaktera [Clothing in N.Karamzin's works as a sign of historical time and national character]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 2017, no. 5, pp. 113-121.
5. Vasil'eva S.A. Krasota starosti v romane I.A.Goncharova "Obryv" [The beauty of old age in I.A.Goncharov novel "The Precipice"]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya: Filologiya, 2020, no. 3(66), pp. 20-25.
6. Loskutnikova M.B. Semantika "obyknoennogo" i "neobyknoennogo" v romane I.A.Goncharova "Obryv" (syuzhetnyy «treugol'nik»: Rayskiy — Babushka — Vera) [Semantics of "ordinary" and "extraordinary" in the novel of I.A.Goncharov "The Precipice" (plot "triangle"): Rayskiy — Grandmother — Vera)]. Proc. of "Pushkinskie chteniya — 2019". St. Petersburg, 2019, pp. 216-224.
7. Goncharov I.A. Luchshe pozdno, chem nikogda: (Kriticheskie zametki) [Better late, than never (Critical notes)]. Goncharov I.A. Works in 8 vols, vol. 8: Stat'i, zametki, retsenzii, avtobiografii, izbrannye pis'ma. Moscow, 1955, pp. 64-113.
8. Krasnoshchekova E.A. "Obryv" I.A.Goncharova v kontekste antinihilisticheskogo romana 60-kh godov [I.A.Goncharov's "The Precipice" in the Context of Antinihilistic Novel of the 1860s]. Russkaya literature, 2001, no. 1, pp. 50-66.
9. Krasnoshchekova E.A. I.A.Goncharov: Mir tvorchestva [I.A.Goncharov: The World of Creation]. St. Petersburg, 1997. 496 p.
10. Mel'nik V.I. Goncharov i pravoslavie. Dukhovnyy mir pisatelya [Goncharov and Orthodoxy. Spiritual world of the writer]. Moscow, 2008. 544 p.
11. Mel'nik V.I. Dukhovnyy put' I.A.Goncharova [Spiritual Path of I.A.Goncharov]. Moscow, 2019. 448 p.
12. Mel'nik V.I. Evangel'skaya semantika zhenskikh obrazov Marfen'ki i Very v romane I.A.Goncharova "Obryv" [The Evangelical semantics of the female images of Martha and Vera in the novel "The Precipice" by I.A.Goncharov]. Problemy istoricheskoy poetiki. 2019, vol. 17, no. 1, pp. 78-93.
13. Nedzvetskiy V.A. Romany I.A. Goncharova [I.A.Goncharov's novels]. Izd. 2-e. Moscow, 2000. 97 p.
14. Shcheblykin I.P. Evolyutsiya zhenskikh obrazov v romanakh I.A.Goncharova [Evolution of feminine characters in novels of I.A.Goncharov]. Goncharov I.A.: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A.Goncharova. Ul'yanovsk, 2003, pp. 171-178.

Shevtsova L.I. Semantic content of the image of the grandmother in the novel "The Precipice" by I.A.Goncharov. The aim of the research is to identify the structural and semantic content of the Tatiana Markovna Berezhkova's in the artistic world of the novel "The Precipice" by I.A.Goncharov. The scientific novelty is connected with the expansion of the typological characteristics of the figurative system in the novel by I.A.Goncharov. As a result, the main semantic facets of the image of Tatyana Markovna's grandmother are determined, including two content's lines: external and internal. The external sphere reflects the social and household characteristics of the provincial life of Russia, the ancient way of life and customs. In the inner content, the grandmother's image reflects the semantic dominant of the narrative: folk wisdom, inner strength associated with the traditional value paradigm. The image's dynamics of the grandmother is given in the personal perception of the main character, which determines her role as the ideological and compositional novel's center and a measure kind of the beautiful and moral.

Keywords: the semantic content of the grandmother's image, the expansive meaning of the image, the dispute about fate, patriarchy, the transformation of the image.

Сведения об авторе. Лариса Ивановна Шевцова — доктор филологических наук (10.01.01 — русская литература), профессор; профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; ORCID: 0000-0002-8928-5932; larisaivshevtsova@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.02.2021. Принята к публикации 15.03.2021.

Ссылка на эту статью: Шевцова Л.И. Смысловое наполнение образа бабушки в романе И.А.Гончарова «Обрыв» (1869) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3(36). С. 320-323. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).320-323

For citation: Shevtsova L.I. Semantic content of the image of the grandmother in the novel "The Precipice" by I.A.Goncharov. Memoirs of NovSU, 2021, no. 3(36), pp. 320-323. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.3(36).320-323